

Рец. на кн.: BENJAMIN NATHANS. *TO THE SUCCESS OF OUR HOPELESS CAUSE: THE MANY LIVES OF THE SOVIET DISSIDENT MOVEMENT*. PRINCETON, NJ: PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2024. XIV+797 p.

Дмитрий Сергеевич Козлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123 наб. канала Грибоедова, Санкт-Петербург, Россия
dmitrys.kozlov@gmail.com

Аннотация: Книга Бенджамина Натанса предлагает новаторский подход к исследованию советского диссидентства 1960–1970-х гг. Политический протест в ней представлен как многосторонняя коммуникация, в ходе которой между самими диссидентами, представителями партийной и государственной власти, сотрудниками КГБ и публикой внутри СССР и за его пределами происходит переопределение таких важных концептов, как свобода, закон, гражданские права, ответственность, политическое участие. Результаты этого переопределения легли в основу специфического диссидентского репертуара протестного поведения, основанного на ненасилии, гласности и апелляции к существующим юридическим нормам. Автор предлагает обратить внимание не только на признанных героев диссидентского движения — тех, кто своими текстами и поступками сформировал и репрезентировал этот ненасильственного сопротивления советскому режиму, но и более широкий круг его сторонников — людей, которые были вовлечены в сети солидарности и взаимопомощи. Такое расширение границ явления вкупе со свежими интерпретациями ключевых вех советского диссидентства делает книгу важным событием в историографии позднесоветского общества.

Ключевые слова: диссидентское движение, политический протест, история СССР, репертуар протеста, коммуникация.

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе работы научной учебной группы «Исследования неофициальной культуры Ленинграда 1950–1980-х» (проект № 25-00-051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Для ссылок: Козлов Д. Рец. на кн.: Benjamin Nathans. *To the Success of Our Hopeless Cause: The Many Lives of the Soviet Dissident Movement*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2024. XIV+797 p. // *Антропологический форум*. 2025. № 67. С. 297–311.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-297-311

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/kozlov.pdf>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ, 2025, NO. 67

A Review of BENJAMIN NATHANS, *TO THE SUCCESS OF OUR HOPELESS CAUSE: THE MANY LIVES OF THE SOVIET DISSIDENT MOVEMENT*. PRINCETON, NJ: PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2024, XIV+797 pp.

Dmitry Kozlov

HSE University
123 Griboedova Canal Emb., St Petersburg, Russia
dmitrys.kozlov@gmail.com

Abstract: The book by Benjamin Nathans suggests an innovative approach to the study of Soviet dissidence of the 1960s and 1970s. Political protest is presented as a multifaceted communication in which such important concepts as freedom, law, civil rights, responsibility, and political participation are redefined between the dissidents, representatives of party and state power, KGB officers, and the public inside and outside the USSR. The results of this redefinition formed the basis for a specific dissident repertoire of contention based on nonviolence, publicity, and appeals to existing legal norms. The author invites attention not only to the recognised heroes of the dissident movement — those who, through their writings and actions, shaped and represented the ethos of nonviolent resistance to the Soviet regime — but also to a broader circle of its supporters — people who were involved in networks of solidarity and mutual aid. This broadening of the phenomenon's scope, coupled with fresh interpretations of key milestones in Soviet dissidence, makes the book a significant event in the historiography of late Soviet society.

Keywords: dissident movement, repertoire of contention, political protest, Soviet history, communication.

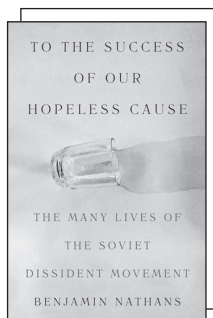
Acknowledgements: This publication was prepared as part of the work of the scientific study group “Research into the Unofficial Culture of Leningrad in the 1950s–1980s” (project no. 25-00-051) within the framework of the programme “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)”.

To cite: Kozlov D., ‘A Review of Benjamin Nathans, *To the Success of Our Hopeless Cause: The Many Lives of the Soviet Dissident Movement*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2024, XIV+797 pp.’, *Anthropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 297–311.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-297-311

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/kozlov.pdf>

Рец. на кн.: **Benjamin Nathans. *To the Success of Our Hopeless Cause: The Many Lives of the Soviet Dissident Movement***. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2024. XIV+797 p.

Книга Бенджамина Натанса предлагает новаторский подход к исследованию советского диссидентства 1960–1970-х гг. Политический протест в ней представлен как многосторонняя коммуникация, в ходе которой между самими диссидентами, представителями партийной и государственной власти, сотрудниками КГБ и публикой внутри СССР и за его пределами происходит переопределение таких важных концептов, как свобода, закон, гражданские права, ответственность, политическое участие. Результаты этого переопределения легли в основу специфического диссидентского репертуара протестного поведения, основанного на ненасилии, гласности и апелляции к существующим юридическим нормам. Автор предлагает обратить внимание не только на признанных героев диссидентского движения — тех, кто своими текстами и поступками сформировал и репрезентировал этос ненасильственного сопротивления советскому режиму, но и более широкий круг его сторонников — людей, которые были вовлечены в сети солидарности и взаимопомощи. Такое расширение границ явления вкупе со свежими интерпретациями ключевых вех советского диссидентства делает книгу важным событием в историографии позднесоветского общества.

Ключевые слова: диссидентское движение, политический протест, история СССР, репертуар протеста, коммуникация.

Дмитрий Сергеевич Козлов
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
dmitrys.kozlov@gmail.com

Эту книгу ждали давно. Советские диссиденты вошли в круг научных интересов профессора Университета Пенсильвании Бенджамина Натанса в середине 2000-х гг., и уже первые его статьи на эту тему предлагали новые объяснения важного явления позднесоветской истории — свободные от стереотипов холодной войны, с опорой на разнообразные источники, с вниманием к деталям. Статьи выходили, их заинтересованно читали не только коллеги, но и студенты в рамках курсов по советской истории и по изучению эго-документов. Книги не было. Натанс рассказывал о советских диссидентах журналистам и выступал с докладами на конференциях, собрал и опубликовал в открытом доступе представительную базу данных диссидентских мемуаров¹, но книгу печатать

¹ Database of Published Memoirs by Soviet Dissidents — доступна по прямой ссылке с личной страницы Натанса на сайте Университета Пенсильвании: <<https://live-sas-www-history.pantheon.sas.upenn.edu/people/faculty/benjamin-nathans>>.

не торопился. Это неудивительно — все мы знаем, как по-разному складываются биографии исследований и как непросто порой бывает завершить начатый проект. Удивительно другое: в академическом мире, который, как нас учили, живет по принципу «опубликуйся ты завтра, а я сегодня», за пятнадцать лет не нашлось коллеги, который бы «пошел на обгон» и написал новую историю советских диссидентов раньше.

А необходимость в такой книге, безусловно, назрела. Советологические исследования 1970-х [Feldbrugge 1975; Reddaway 1976] давно представляют в первую очередь историографический интерес. Классическая монография Людмилы Алексеевой [Алексеева 1984] вышла сорок лет назад. Опубликованные в 1990-х гг. или в начале XXI в. книги о диссидентах либо были посвящены отдельным вопросам их идейного наследия [Boob- byer 2005; Horvath 2005], либо пытались определить их связь с последующими социально-политическими движениями [Шубин 2008; Будрайтскис 2017]. Стараниями сотрудников «Мемориала»^{*} и Московской Хельсинкской группы были опубликованы обширные подборки архивных документов [Зубарев и др. 2005; Зубарев, Кузовкин 2006; Власть и диссиденты 2006], а количество диссидентских мемуаров, вышедших после распада СССР, исчисляется десятками¹. Были защищены диссертации и опубликованы книги об отдельных личностях, группах и направлениях [Мартин, Свешников 2017; Sidorevich 2024], но обобщающей монографии, предлагавшей не только обзор в общем-то известных событий, но и ответ на вопрос об их историческом смысле, не было.

В 2000–2010-е тема советского диссидентства оказалась, а точнее казалась, особенно немодной. Наряду со справедливым, хотя зачастую чересчур резким противопоставлением диссидентства другим формам политического протеста, которым до того времени уделялось меньше внимания [Козлов, Мироненко 2005; Фирсов 2008], общим местом стало признание генетической связи диссидентства и советского дискурсивного и политического режима [Oushakine 2001; Yurchak 2005]. Поворот к изучению различных форм и пространств «внеаходимости», предпринятый под влиянием работы Алексея Юрчака, существенно расширил знание о многочисленных, разнообразных не-советских жизненных стратегиях, но ото-

^{*} Здесь и далее знаком астериска маркируются упоминания организаций, включенных Минюстом РФ в реестр иноагентов.

¹ Чтобы не выделять чьи-то воспоминания особо, отошлю читателя к соответствующим страницам статьи рецензируемого автора, специально посвященной мемуарному наследию диссидентов [Натанс 2018: 438–441].

двинул «классическое» диссидентство на задний план¹. Публичный политический протест, предпочитавший моральную оценку советского режима формулированию идеологических альтернатив, а стоическое самостояние — привычным формам партийной солидарности, виделся не просто неэффективным и безрезультатным, но и одной из причин «приветствуемой государством политической демобилизации масс» в постсоветское время [Ерпылева, Магун 2014: 13–14]. А конфликт диссидентов с режимом одинаково раздражал как тех, кто симпатизировал советскому проекту как альтернативе капитализму, так и тех, кто видел в СССР желанный вариант «сильного государства».

Несмотря на всплески интереса к наследию диссидентов после публичных протестов начала 2010-х [Kozlov 2020], их имена остаются в массе своей неизвестны современным россиянам. Об этом со ссылкой на материалы опроса Левада-центра* и говорит Бенджамин Натанс в предисловии, определяя цель своей работы — «восстановить эти имена <...>, дать им историю, которой они заслуживают» (Р. 4). Понимание истории не только как знания, но и как нарратива о прошлом, лежит в основе новаторского подхода, примененного Натансом к важному феномену позднесоветского общества. Речь идет, конечно, не о журналистском интересе к эффектному сторителлингу.

Одним из эпиграфов к книге стала цитата из лекций Мишеля Фуко: «Я собирался рассмотреть не проблему истины, а проблему высказывания-истины или же деятельности, направленной на такое высказывание: <...> кто способен высказывать истину, истину чего именно следует высказывать, каковы условия высказывания истины, какие отношения [у такого высказывания] с властью?» (Р. VII)². Бенджамину Натансу важны и гражданская этика французского философа, и его мысли о формировании субъекта. Но эпиграф адресует к еще одной магистральной идее книги. Чтобы получить подлинное знание об истории, нам необходимо понимать, чьи голоса из прошлого мы слышим и к кому они были обращены. Обращение из прошлого к будущему исследователю («Когда-нибудь некий историк / Возьмет и напишет про нас», р. 1) — прием хоть и не редкий, но лукавый. Стихотворение Александра Галича, став-

¹ Речь идет в основном не просто о советском диссидентстве, а о политических и этических альтернативах авторитарному социализму, формулировавшихся в РСФСР. Ситуация с изучением восточноевропейского диссидентства и политического инакомыслия в бывших советских республиках по многим причинам кардинально отличается от историографических тенденций в современной России [Brier 2013; Belezza 2019].

² Ср. русский перевод: [Фуко 2021: 367–368].

шее другим эпиграфом книги, — как раз о безнадежности, невозможности, да и ненужности апелляции к «некоему историку».

Диссидентские тексты 1960–1970-х гг. были обращены к современникам, а их конкретная адресация определяла их содержание и жанровую природу. Особенно выделяя среди корпуса своих источников мемуары, которые стали появляться уже в самом начале 1970-х, Натанс отмечает, что одной из их главных задач было обосновать для читателя значимость личного опыта автора. Ведь само появление таких текстов подрывало представление о тоталитарном обществе как об обществе абсолютного контроля и унификации. С той же проблемой сталкивались и западные журналисты, писавшие о Советском Союзе. С одной стороны, акции протеста, пресс-конференции, новые самиздатские тексты были редкими настоящими информационными поводами в атмосфере бессобытийной советской жизни. С другой стороны, объяснить зарубежному читателю, что же именно произошло и кто те люди, о которых написана та или иная статья, было задачей не из легких. Термин «диссидент», почерпнутый из словаря эпохи европейских религиозных войн, оказался на редкость удачным. Однако его употребление с самого начала было принципиально многозначным. Натанс обращает внимание на то, что на Западе диссидентом легко называли «любого гражданина СССР, кто вступал в конфликт с советской системой и в результате этого подвергался репрессиям», в то время как внутри Советского Союза слово имело более узкое значение и применялось к тем, кто «публично выступал с протестами в защиту гражданских прав и прав человека» (Р. 15). Советские власти, в свою очередь, привыкли к термину достаточно быстро: «диссиденты», пусть и с приставкой «так называемые», стали еще одним обозначением для врагов режима. Сосуществование этих различных трактовок не только приводило к ситуациям недопонимания, зачастую трагического, между диссидентами и теми, кто их так (не) называл, но и до сих пор вызывает ожесточенные споры, в которых борьба за чистоту дефиниций нередко маскирует идеологические разногласия.

Не останавливаясь на поиске универсального определения диссидентства, Бенджамин Натанс предлагает рассмотреть его историю как цепь событий, каждое из которых можно представить как сложно организованную коммуникацию. В одних случаях автор объясняет позиции актора-адресанта и его адресатов. В других — демонстрирует, как происходил выбор языка и формировался словарь, используемый в этом полилоге. В третьих — реконструирует конфликты интерпретаций одних и тех же слов или поступков.

Такой фокус книги объясняет, почему автор не расширяет и не уточняет классической хронологии диссидентского движения, проговоренной в десятках воспоминаний и канонизированной в монографии Людмилы Алексеевой [Алексеева 1984: 237–378], хотя и опирается на впечатляющее количество источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот (Натанс работал с материалами 21 архива в пяти странах). Он соглашается с той точкой зрения, что диссидентство как особая форма общественного и политического протеста возникает во время судебных преследований Иосифа Бродского, Андрея Синявского и Юлия Даниэля в середине 1960-х гг. Каждый новый судебный процесс, фигурантами которого зачастую становились те, кто участвовал в освещении предыдущих судилищ, вызывал всплеск открытых писем и петиций протеста. Эта волна широкого общественного участия была насильственно остановлена в 1968 г. репрессиями против подписантов. «Цепная реакция» репрессий, протестов против них и новых репрессий против протестующих составила тематическое ядро зарождавшегося правозащитного самиздата (в первую очередь бюллетеня «Хроника текущих событий», 1968–1983) и привела к необходимости регулярного мониторинга нарушения прав человека и к созданию постоянно действовавших независимых общественных ассоциаций, наиболее яркими из которых были группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. В этой логике финалом диссидентского движения стало начало 1980-х, когда с усилением политической реакции внутри СССР и с обострением холодной войны наиболее заметные независимые организации и издания самиздата были ликвидированы, а большая часть активистов в ходе систематических репрессий оказалась либо в заключении, либо в эмиграции. Сложившийся и вполне заверченный миф советского диссидентства имеет свои ключевые даты, своих отцов-основателей и целый пантеон героев и героинь, явивших примеры личного мужества, бескомпромиссности, острого ума и публицистического таланта, научившихся жить как свободные люди в несвободной стране. Все они есть в книге, а из новых, точнее незамеченных или замолчанных, героев появляется, пожалуй, только писатель Андрей Ремизов — третий фигурант дела Синявского и Даниэля, арестованный вместе со своими друзьями, но пошедший на сделку со следствием и благодаря этому избежавший и лагерного срока, и места в канонической истории диссидентства (Р. 51–54).

Здесь, конечно, придется дежурно попенять Натансу на то, что он не выходит за границы воспетых Юлием Кимом «московских кухонь» и, что важнее, не проследивает историю движения в 1980-е гг., когда, несмотря на разгром Хельсинкских групп,

закрытие «Хроники текущих событий», ссылку академика Сахарова и волну арестов, в СССР продолжал действовать ряд независимых общественных организаций. Но, во-первых, расширение хронологии явно привело бы к тому, что и без того восьмисотстраничная монография приросла бы вторым томом. А во-вторых, от необходимости реконструировать событийную историю диссидентства автора освобождает опора на концепцию «репертуаров протеста» Чарльза Тилли (при этом те сюжеты, которые Натанс анализирует, прослежены порой с точностью до часа). Ему важнее показать, как ненасильственный публичный политический протест, апеллирующий, с одной стороны, к строгому соблюдению законов, а с другой — к этическому оспариванию советского строя, стал магистральным способом выражения несогласия с политикой КПСС¹. Безусловно, история самиздатских бюллетеней «В» и «+», Свободного межпрофессионального объединения трудящихся, Группы за установление доверия между СССР и США и других диссидентских инициатив 1980-х еще ждет такого же вдумчивого и внимательного исследователя, как Бенджамин Натанс. Но этот новый исследователь или исследовательница явно будут писать историю предперестроечного инакомыслия, анализируя как преемственность идеалов «золотого века диссидентства», так и расхождение с ним в выборе протестных практик и в формулировании идеологических альтернатив советскому режиму. Тем не менее сопоставление истории московского диссидентства 1960–1970-х хотя бы с событиями, происходившими в те же годы в Ленинграде, усложнило бы взгляд на палитру инакомыслия и инакодействия, показав, что диссидентский репертуар не заместил полностью другие протестные практики того периода, а мог сосуществовать и с построением подпольных организаций, и с агитацией посредством листовок и граффити, и с художественными акциями политической направленности.

В своем понимании протеста как коммуникации Бенджамин Натанс восходит к «контринтуитивной стратегии», предложенной одним из отцов-основателей диссидентства Александром Есениным-Вольпиным еще в начале 1960-х (Р. 25). Опираясь на философию Бертрана Рассела и Людвиг Витгенштейна и кибернетику, Есенин-Вольпин предлагал использовать советские

¹ Именно с такой позиции в книге рассматриваются нероссийские общественные движения в СССР (Р. 510–525). Логика защиты прав составляла основу требований свободной эмиграции советских евреев и немцев, репатриации крымских татар, а также разделялась частью оппозиционных групп в союзных республиках (Натанс обращается к опыту литовских и украинских диссидентов), но ею не исчерпывался протестный репертуар за пределами РСФСР. Более того, интернационализм правозащитного движения вызывал возражения у многих национальных активистов — в нем видели попытки если не русификации, то размытия повестки.

законы как универсальный язык, свободный от семантической неоднозначности. Тем самым альтернативой гражданскому неповиновению становилось последовательное и бескомпромиссное соблюдение юридических процедур гражданами и требование того же от государства.

Строго говоря, Есенин-Вольпин не был изобретателем такой тактики, и упоминание о его предшественниках и современниках усилило бы аргументацию книги. Так, агитационные материалы антисоветской организации русских эмигрантов «Народно-трудовой союз» предлагали в качестве примеров «легальных форм борьбы» «выдвижение требований по соблюдению отдельных законов, которые нарушаются властью, со ссылками на конституцию, кодексы законов и административные распоряжения» [Немиров 1959: 35]. Категория «легальных методов борьбы» лежала в основе практики ленинградской группы Революта Пименова, действовавшей в Ленинграде еще в 1950-е [Вайль 1980: 139–143; Tromly 2012: 166].

Но действительным открытием Есенина-Вольпина Натанс называет философское обоснование того, что апелляция к существующим законам может иметь значение большее, чем решение конкретной правовой коллизии. В итоге легализм должен был привести к освобождению от идеологической индоктринации и принудительного проявления лояльности, ведь «никакой закон не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его» (Р. 42). В своем предельном понимании процедурная утопия Есенина-Вольпина была трудноисполнима, но она открывала возможность обличения государства в несоблюдении собственных законов. Для этого было необязательно, подобно Владимиру Буковскому, перечислять расхождения советского законодательства и правоприменения. Любой диссидентский поступок или текст вызывал реакцию, порой непредвиденную, порой просчитанную, со стороны властей и демонстрировал цену официального дискурса о советской законности.

Натанс отмечает, что диссиденты и советское государство, по крайней мере на первых порах, действительно «говорили на одном языке» — после смерти Сталина и развенчания культа личности советская юридическая система стремилась показать, что незаконные репрессии остались в прошлом. Так, когда в 1966 г. в новые уголовные кодексы союзных республик были введены дополнительные статьи для квалификации политически окрашенных правонарушений, они были сформулированы в гораздо более строгих юридических и менее идеологизированных терминах, нежели их «старшие сестры» — «антисоветская агитация и пропаганда» или «измена Родине» (Р. 145–149).

Открытый характер суда над Синявским и Даниэлем в некоторой степени был также направлен на то, чтобы продемонстрировать перестройку советской следственной и судебной системы, которая теперь «не арестовывает людей ни за что» (Р. 53). Однако этот перформативный легализм советского правосудия не мог преодолеть зависимость судебных решений от действий следственных органов КГБ.

Так, за проведением открытого судебного заседания по делу писателей в первую очередь стояла логика показательных процессов сталинского времени. «Режиссеры» суда над Синявским и Даниэлем, председатель КГБ Владимир Семичастный и генеральный прокурор СССР Роман Руденко, предполагали с его помощью продемонстрировать творческой интеллигенции новые границы допустимого поведения. Еще одним адресатом была западная общественность — суд нужно было провести так, чтобы «не дать козырей в руки нашим идеологическим противникам». Проект Семичастного и Руденко провалился. Зрители показательного процесса увидели совершенно другую картину: слабая доказательная база обвинения, отказ подсудимых признать вину и невиданная до сих пор солидарность тех, кто им сочувствовал. Вместо восстановления норм социалистической законности — новый пример судебного произвола.

Распространению теории и тактики защиты прав способствовало развитие публицистического и политического самиздата, а также личные связи между жертвами советского правосудия, правозащитниками и теми, кто не манифестировал себя как диссидента, но был готов поддерживать движение морально, помогать ему поступками или деньгами. Внимание к структуре социальных сетей с опорой на теорию Марка Грановеттера (Р. 97) — еще один пример удачного применения социальной теории к объяснению исторических событий. Так, Натанс обращает внимание на то, что участниками «Митинга гласности» в декабре 1965 г. были в первую очередь не друзья арестованных Синявского и Даниэля, а широкий круг сочувствующих молодых людей, рекрутированных Есениным-Вольпиным из московской поэтической богемы (Р. 88–92). Динамике отношений ядра движения с союзниками, наблюдателями и противниками из числа интеллигенции посвящена целая глава (Р. 487–509). «Сила слабых связей» обеспечивала движению устойчивость и позволяла инкорпорировать в его ряды новых участников, хотя те, кто стремился войти в него, достаточно скоро сталкивались с внутренними иерархиями и социальными границами, а также с тем, что диссиденты не были идеальными героями. Догматизм, социальный снобизм, человеческие пороки могли оттолкнуть кого-то от движения так же, как и идеологические расхождения.

Анализ сложных отношений диссидентского ядра и внешнего круга движения проведен Натансом с безукоризненным вниманием, точностью и тактом. Но многогранности круга внутреннего он с тем же тактом почти не касается — это дело исследователей-биографов. Мы знаем о диссидентах то, что они позволяют нам о себе знать. То, что они рассказали. Эта адресация диссидентских биографий и в конечном счете диссидентской истории отрефлексирована, как кажется, недостаточно. Как минимум два примера в монографии — судьба уже упомянутого Андрея Ремизова и книга Анны Герц (Майи Злобиной) «К вольной воле заповедные пути» (Р. 536–543) — показывают, что в формировании канона диссидентской истории работали и механизмы забвения, и защита монополии на коллективную память. История пошедшего на сделку со следствием одиозного Синявского и Даниэля не закрепляется в каноническом нарративе о судебном процессе над писателями, а роман с ключом, говорящий о диссидентских кругах не всегда комплиментарно, но созданный писательницей, близкой этим кругам, обсуждается и осуждается как провокация со стороны органов госбезопасности.

Еще одним важным участником диссидентских коммуникаций была западная публика. После того как в январе 1968 г. Лариса Богораз и Павел Литвинов опубликовали письмо «К мировой общественности», зарубежные корреспонденты и аудитория их изданий становятся постоянным адресатом диссидентских акций. А сама эта адресация — привычным пунктом обвинения инакомыслящих со стороны не только властей, но и лояльных сограждан: нечего выносить сор из избы! Но, как показывает Натанс, диссиденты разделяли далеко не все «западные ценности», а те, кто их поддерживал по ту сторону «железного занавеса», не всегда понимали содержание их протестных выступлений. Ориентация диссидентов на Запад, по мнению автора, не причина, а следствие непонимания и отсутствия поддержки со стороны сограждан (Р. 621). Так, то самое письмо Богораз и Литвинова было прямо адресовано «гражданам нашей страны» и призывало разделить понимание, что судебный процесс Александра Гинзбурга и его товарищей — «пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас», тогда как западная пресса была выбрана в качестве медиума только потому, что обращение к советским газетам «безнадежно» (Р. 172–173). Однако не все (в том числе внутри диссидентских кругов) были готовы к интеллектуальным и моральным усилиям, требующимся для признания подобной коллективной ответственности.

Чем дальше, тем меньше в диссидентских апелляциях к западной публике оставалось такой двойной адресации. Хотя транс-

ляция диссидентских документов по «голосам», слушателями которых была значительная часть советского общества, свидетельствует о том, что диссиденты понимали важность донесения своих идей до сограждан. Это оставалось в некоторой степени противодействием окончательной геттоизации диссидентов. Поворотным моментом стало возникновение Хельсинкского движения, тактическая новизна которого была в том, что западные адресаты — уже не НКО, журналисты и группы поддержки советских узников совести, а правительства государств, подписавших в 1975 г. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, — должны были выступить гарантом соблюдения прав человека в СССР. Легалистский перформанс имени Есенина-Вольпина вышел на международный уровень, и теперь разделить его участников на актеров и зрителей стало фактически невозможно.

В «разрушении четвертой стены» и заключался, с точки зрения Натанса, главный исторический смысл советского диссидентства: любая позиция в социальном театре есть результат некоторых договоренностей, которые могут быть проблематизированы. Свобода человека и гражданина состоит в том, чтобы самостоятельно определить, где находится сцена, какое место он на ней занимает и к кому обращен драматический монолог. И равно в том, чтобы потребовать от других участников спектакля играть по написанному. Соблюдение договоренностей и возможность называть вещи своими именами в настоящее время, кажется, требует не меньше гражданского мужества, чем завоевание права говорить. Несомненно, эта мысль наиболее близка американским читателям книги Бенджамина Натанса — об этом говорят и справедливо заслуженная Пулитцеровская премия, и рецензии на монографию, где нынешних американских интеллектуалов прямо призывают учиться у советских диссидентов [Isaac 2025]. О возможном российском читателе профессор Натанс вспоминает в самом конце книги, предполагая, что память о диссидентах не скоро может стать для нашей страны *полезным прошлым* (Р. 639). Однако уже сейчас перевод и издание рецензируемой монографии в России были бы очень важны. Дело не в том, какие уроки могут преподать современному россиянину герои прошлого — исторический опыт слабо конвертируется в актуальную практику, но в том, что текущая политическая ситуация помогает лучше понять, как работает вера в «успех нашего безнадежного дела».

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе работы научной учебной группы «Исследования неофициальной культуры Ленинграда 1950–1980-х» (проект № 25-00-051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

Библиография

- Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: новейший период. New York: Khronika Press, 1984. 427 с.
- Будрайтскис И. Диссиденты среди диссидентов. М.: Свободное марксистское изд-во, 2017. 150 с.
- Вайль Б.Б. Особо опасный. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1980. 400 с.
- Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС / Подгот. текста и коммент.: А.А. Макаров, Н.В. Костенко, Г.В. Кузовкин. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2006. 282 с.
- Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В. (сост.). Документы Московской Хельсинкской группы. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2006. 592 с.
- Зубарев Д., Кузовкин Д., Костенко Н., Лукашевский С., Паповян А. (сост.). 5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах самиздата, публикациях зарубежной прессы и в документах партийных и комсомольских организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС. М.: Мемориал*; Звенья, 2005. 176 с.
- Ерпылева С.В., Магун А.В. (отв. ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: НЛО, 2014. 472 с.
- Козлов В.А., Мироненко С.В. (ред.). Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М.: Материк, 2005. 428 с.
- Мартин Б., Свешников А. (ред.). Исторический сборник «Память»: исследования и материалы. М.: НЛО, 2017. 398 с.
- Натанс Б. Заговорившие рыбы: о мемуарах советских диссидентов // Пинский А. (ред.). После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. статей. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 398–443.
- Немиров А. Молодежь, ее искания и борьба. [Франкфурт-на-Майне: Посев], 1959. 48 с.
- Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: история, теория и практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 543 с.
- Фуко М. Речь и истина: лекции о парресии (1982–1983) / Пер. с фр. Д. Краlechкина; науч. ред. М. Маяцкого. М.: Дело, 2021. 374 с.
- Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 382 с.
- Belezza S.A. The Shore of Expectations: A Cultural Study of the *Shistdesiatnyky*. Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2019. XXIV+352 p.

- Boobbyer P.* Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia. London: Routledge, 2005. XIV+282 p.
- Brier R.* (ed.). Entangled Protest: Transnational Approaches to the History of Dissent in Eastern Europe and the Soviet Union. Osnabrück: fibre Verlag, 2013. 262 p.
- Feldbrugge F.J.M.* Samizdat and Political Dissent in the Soviet Union. Leiden: A.W. Sijthoff, 1975. XII+255 p.
- Horvath R.* The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratization and Radical Nationalism in Russia. London: Routledge, 2005. X+293 p.
- Isaac J.S.* Disturbers of the Peace // Los Angeles Review of Books. 2025, 4 April. <<https://lareviewofbooks.org/article/disturbers-of-the-peace/>>.
- Kozlov D.* "Do You Dare to Go to the Square?" The Legacy of Soviet Dissidents in Russian Public Protests of the 2000s and 2010s // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36. No. 3. P. 211–225. doi: 10.1080/1060586X.2020.1751513.
- Oushakine S.A.* The Terrifying Mimicry of Samizdat // Public Culture. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 191–214. doi: 10.1215/08992363-13-2-191.
- Reddaway P.* (ed.). Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union. New York: American Heritage Press, 1976. 499 p.
- Sidorevich A.* The Leningrad Women's Movement (1979–1982): Between Soviet Emancipation and Second-Wave Feminism: PhD diss. Paris, 2024. 446 p.
- Tromly B.* Intelligentsia Self-Fashioning in the Postwar Soviet Union: Revol't Pimenov's Political Struggle, 1949–57 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. No. 1. P. 151–176. doi: 10.1353/kri.2012.0005.
- Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. X+331 p.

Дмитрий Козлов

A Review of Benjamin Nathans, *To the Success of Our Hopeless Cause: The Many Lives of the Soviet Dissident Movement*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2024, XIV+797 pp.

Dmitry Kozlov

HSE University
123 Griboedova Canal Emb., St Petersburg, Russia
dmitrys.kozlov@gmail.com

The book by Benjamin Nathans suggests an innovative approach to the study of Soviet dissidence of the 1960s and 1970s. Political protest is presented as a multifaceted communication in which such

important concepts as freedom, law, civil rights, responsibility, and political participation are redefined between the dissidents, representatives of party and state power, KGB officers, and the public inside and outside the USSR. The results of this redefinition formed the basis for a specific dissident repertoire of contention based on nonviolence, publicity, and appeals to existing legal norms. The author invites attention not only to the recognised heroes of the dissident movement — those who, through their writings and actions, shaped and represented the ethos of nonviolent resistance to the Soviet regime — but also to a broader circle of its supporters — people who were involved in networks of solidarity and mutual aid. This broadening of the phenomenon's scope, coupled with fresh interpretations of key milestones in Soviet dissidence, makes the book a significant event in the historiography of late Soviet society.

Keywords: dissident movement, repertoire of contention, political protest, Soviet history, commutation.

Acknowledgements

This publication was prepared as part of the work of the scientific study group “Research into the Unofficial Culture of Leningrad in the 1950s–1980s” (project no. 25-00-051) within the framework of the programme “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)”.

References

- Alexeeva L., *Istoriya inakomysliya v SSSR: noveyshiy period* [History of Dissent in the USSR: The Modern Period]. New York: Khronika Press, 1984, 427 pp. (In Russian).
- Belezza S. A., *The Shore of Expectations: A Cultural Study of the Shistdesiatnyky*. Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2019, XXIV+352 pp.
- Boobbyer P., *Conscience, Dissent and Reform in Soviet Russia*. London: Routledge, 2005, XIV+282 pp.
- Brier R. (ed.), *Entangled Protest: Transnational Approaches to the History of Dissent in Eastern Europe and the Soviet Union*. Osnabrück: fibre Verlag, 2013, 262 pp.
- Budraitiskis I., *Dissidenty sredi dissidentov* [Dissidents among Dissidents]. Moscow: Svobodnoe marksistskoe izdatelstvo, 2017, 150 pp. (In Russian).
- Erpyleva S. V., Magun A. V. (eds), *Politika apolitichnykh: grazhdanskoe dvizheniye v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical. Civil Movements in Russia in the 2011–2013]. Moscow: NLO, 2014, 472 pp. (In Russian).
- Feldbrugge F. J. M., *Samizdat and Political Dissent in the Soviet Union*. Leiden: A. W. Sijthoff, 1975, XII+255 pp.
- Firsov B. M., *Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: istoriya, teoriya i praktika* [Diversity of Thinking in the USSR, 1940s–1960s: History, Theory and Practices]. St Petersburg: EUSP Press, 2008, 543 pp. (In Russian).

- Foucault M., *Discours et vérité: précédé de La parrèsia*, éd. et appareil critique par H.-P. Fruchaud, D. Lorenzini. Paris: J. Vrin, 2016, 314 pp.
- Horvath R., *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratization and Radical Nationalism in Russia*. London: Routledge, 2005, X+293 pp.
- Isaac J. S., 'Disturbers of the Peace', *Los Angeles Review of Books*, 2025, 4 April. <<https://lareviewofbooks.org/article/disturbers-of-the-peace/>>.
- Kozlov D., "Do You Dare to Go to the Square?" The Legacy of Soviet Dissidents in Russian Public Protests of the 2000s and 2010s', *Post-Soviet Affairs*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 211–225. doi: 10.1080/1060586X.2020.1751513.
- Kozlov V. A., Mironenko S. V. (eds), *Kramola: inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve, 1953–1982 gg. Rassekrechennyye dokumenty Verkhovnogo suda i Prokuratury SSSR* [Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev, 1953–1982. Declassified Documents of the Supreme Court and Prosecution Office of the USSR]. Moscow: Materik, 2005, 428 pp. (In Russian).
- Martin B., Sveshnikov A. (eds), *Istoricheskiy sbornik "Pamyat": issledovaniya i materialy* [The Historical Collection "Pamyat": Research and Materials]. Moscow: NLO, 2017, 398 pp. (In Russian).
- Nathans B., 'Talking Fish: On Soviet Dissident Memoirs', *Journal of Modern History*, 2015, vol. 87, no. 3, pp. 579–614. doi: 10.1086/682413.
- Nemirov A., *Molodezh, ee iskaniya i borba* [Youth, Its Search and Struggle]. Frankfurt-am-Main: Posev, 1959, 48 pp. (In Russian).
- Oushakine S. A., 'The Terrifying Mimicry of Samizdat', *Public Culture*, 2001, vol. 13, no. 2, pp. 191–214. doi: 10.1215/08992363-13-2-191.
- Reddaway P. (ed.), *Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union*. New York: American Heritage Press, 1976, 499 pp.
- Shubin A. V., *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR* [Dissidents, Neformals and Freedom in the USSR]. Moscow: Veche, 2008, 382 pp. (In Russian).
- Sidorevich A., *The Leningrad Women's Movement (1979–1982): Between Soviet Emancipation and Second-Wave Feminism*: PhD diss. Paris, 2024, 446 pp.
- Tromly B., 'Intelligentsia Self-Fashioning in the Postwar Soviet Union: Revol't Pimenov's Political Struggle, 1949–57', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2012, vol. 13, no. 1, pp. 151–176. doi: 10.1353/kri.2012.0005.
- Vlast i dissidenty: iz dokumentov KGB i TsK KPSS* [Power and Dissidents: From the Documents of the KGB and the CPSU Central Committee], text preparation and commentary by A. A. Makarov, N. V. Kostenko, G. V. Kuzovkin. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2006, 282 pp. (In Russian).
- Weil B., *Osobo opasnyy* [Exceptionally Dangerous Criminal]. London: Overseas Publications Interchange, 1980, 400 pp. (In Russian).
- Yurchak A., *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005, X+331 pp.
- Zubarev D. I., Kuzovkin G. V. (comp.), *Dokumenty Moskovskoy Khelsinkskoy gruppy* [Documents of Moscow Helsinki Group]. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2006, 592 pp. (In Russian).

- Zubarev D., Kuzovkin G., Kostenko N., Lukashevskiy S., Papovyan A. (comp.), *5 dekabrya 1965 goda v vospominaniyakh uchastnikov sobytiy, materialakh samizdata, publikatsiyakh zarubezhnoy pressy i v dokumentakh partiynykh i komsomolskikh organizatsiy i zapiskakh Komiteta gosudarstvennoy bezopasnosti v TsK KPSS* [5 December 1965 in the Recollections of Participants in the Events, Samizdat Materials, Foreign Press Publications, Communist Party and Komsomol Documents, and KGB Memorandums to CPSU Central Committee]. Moscow: Memorial*; Zvenya, 2005, 176 pp. (In Russian).